

поэтому пошел вечером — нет сна (спал). Я пошел дожидаться к Branger'у, после к нему и убедился, что в самом деле не заставал раньше его дома. Он толковал со мною с четверть часа, и когда я сказал, сколько стал бы работать, он сказал: «Если так, я возьму вас помогать мне».

5-го в среду утром был у Вольфа, где просидел до 3; когда воротился, были у нас медицинские саратовские студенты и оба лучше Пелопидова, так что мне понравились, особенно другой, не Надеждинский, а другой. Но вечером со мной сделалось несколько жару, и поэтому я не весь решительно вечер писал, хотя хотелось скорее кончить; после до воскресенья была горячка, в четверг и пятницу — весьма сильный жар, ломило кости; я лежал на Любинькиной кровати и все пил ром, вино и пунш, в два дня эти выпил больше бутылки рому и полбутылки хересу и от силы болезни чувствовал от рому, который иногда пил по две рюмки враз, только освежение в голове, которая несколько была тяжела. В четверг был Вас. Петр. после обеда, в субботу снова. Ал. Фед. принес «Débats» до 3 апреля и взял прежние, принесенные Вас. Петр., который был поутру.

В воскресенье, 10-го, хотел идти к Вас. Петр., но не пошел, главным образом оттого, что была скверная погода.

11-го был в университете, обе лекции были, хотя я думал, что Нева пойдет, — нет еще, стоит и, может быть, долго простоит.

Ныне, 12-го, утром писал письмо своим и дописал Булычеву. Ошибся временем, думал, что должно быть к двум в университете, и было опоздал к Куторге. В университете решился с нынешнего дня прекратить лекции, т.-е. перестать бывать на них.

Завтра утром буду у Булычева, оттуда к Вольфу до 3-х, оттуда домой дожидаться Вас. Петр.; если его не будет, то в 7 к нему. Что-то будет у Булычева?

И вот я не писал снова целых полторы недели. Начинаю новую тетрадь 22 апреля, в 9 ч. 50 м. вечера.

Николай Чернышевский

ДНЕВНИК 1849 ГОДА, № 2. С АПРЕЛЯ 13

Начал писать 22 апр. в 10 час. вечера.

У Булычева должен был несколько времени дожидаться в швейцарской снова, потому что у него был ювелир. Конечно, это было неприятно, но я как-то холоден и не чувствовал ничего, потому что ведь это не я, а моя одежда, и то, что пришел пешком. Булычев нашел образец Собрания (я написал слово ссыла) весьма хорошим. Сказал, что статьи, которые не относятся к колонизации Сибири, должно выписывать как можно короче; [сказал], чтоб я был на другой день в Сенате сменить книги — мне должно было кроме

этого быть и у Ната. От него к Вольфу, у которого выпил чаю, кажется, и видел Константина Черняева. Должно быть, в этот же день был у меня Вас. Петр. и спросил об этих выписках, или нет — раньше; во всяком случае, когда я пошел провожать, я сказал ему свои мысли о том, что могу передать половину ему, а после он сказал, что пожалуй и все. Это меня облегчило; вообще я хотел объясниться с ним решительно, но не высказал решительно, а только полунамеками и обиняками, но все-таки довольно порядочно — слабый характер: точно то же, как, бывало, маленький — хочется сказать, а с языка не идет (нет, этому объяснение другое несколько).

14-го [апреля], четверг. — Ната не было дома; я подождал его, потому что должно было. Отнес I и II томы, несколько времени дожидаясь в Сенате, но почти тотчас явился Булычев, и я вместо этих взял три следующих тома. Чиновник, который заведует этим, Ильин, сказал, что будет отдавать мне и одному, когда я стану приносить бывшие у меня, — это хорошо, лучше, чем хотел Булычев присылать с курьером, потому что то требовало бы издержек. Стал писать III том, после передал Василию Петровичу IV и V, которые теперь он уже кончил.

15-го [апреля], пятница. — Ничего не помню. Был вечером у Славинского, взял польские песни и Фукидида с латинским переводом. Был у Иванова.

16-го [апреля], суббота. — Был у Ната, он был болен. Вот в этот-то день был у меня утром Вас. Петр., которого я позвал нарочно для решительного объяснения о Булычеве. Мы ходили вместе к Иванову; после через Пассаж прошли мы, чтобы мнекупить бумаги.

17-го [апреля], воскресенье. — Не помню, что было в этот день.

18-го [апреля], понедельник. — Тоже. Вас. Петр., кажется, тоже был у меня. В один из этих дней был у Раева — нет, раньше, должно быть, в пятницу, и занял у него 3 руб. сер.

19-го [апреля], вторник. — Вечером был у Василия Петровича и позвал его к себе в среду, чтобы вместе идти к Залеману, чтобы взять у него для Раева Литературный Сборник, приложение к «Современнику» и еще потому, что утром был в Сенате, отнес (стальных перьев нет, поэтому начинаю писать простыми) туда XLI том (указатель) и взял вместо него ошибкою VII, а не VI (о чем несколько времени, идя из Сената, и беспокоился, потому что расписался в получении, хотя знаю, что из этого никаких неприятностей быть не может, — такой робкий характер, что гадость!) и относил было Булычеву...* тетрадь, в которую переписал выписки из первых трех томов (III не совершенно кончен), всего 18 листов (3 тетради из 6 листов) и 228 выписок, но его не застал в Сенате, поэтому решил в среду утром отнести ему на дом и думал там

* Неразборчиво. Ред.

определительнее переговорить с ним, может быть получить деньги, которые отдать Вас. Петр.

20-го [апреля], среда. — Булычева не застал дома, оставил тетрадь швейцару, а сам отправился за письмом, которое еще не получил, но сначала зашел к Корелкину — его не было дома, а были Попов и Дозе. Я с ними посидел до 2^{1/2} час., все смеялся довольно весело, так что почти не чувствовал своей пошлости; смеялся большею частью над Корелкиным и тут же я переписал вендскими рунами (по алфавиту у Воляньского, которого сочинение было у Корелкина) изречение, которое сказал Попов: славянские языки (суть) ключи от нужника, и прибавил к этому рассказ о том, как эта надпись (которую подписал я фамилиею Востокова) из IX века очутилась у Корелкина — рассказ библейским языком, подражание рассказу в «Kladderadatsch»¹⁴⁵, перепечатанному в «Neue Preuss. Zeitung»¹⁴⁶, о столпотворении вавилонском — о построении Германской империи; этот рассказ состоял из 13 стихов и начинался так: «Бе муж благочестив и бояйся бога и любяй славянские наречия зело. 2. И бысть речено ему духом святым не видети смерти, дондеже истина о славянских языцех приидет в мир», и т. д., что отверзлись небеса, когда он читал Остромирово евангелие¹⁴⁷, и ударил его по голове камень. Когда он пришел, все увидели, что к этому камню привязано это писание, и не могли прочесть его. Тогда голос с неба сказал ему: «Иди на Васильевский остров в 7-ю линию к рабу моему Корелкину, и той ти прочтет. И он пошел, и как Корелкин прочитал, ужаснулся зело, было бо писание похабно зело, и иде к Чернышевскому и уби ъ ножом». — Оттуда зашел к Вольфу, в 4 воротился домой (да, в воскресенье и понедельник утром был у Олимпа Яковлевича, чтоб переменить книги. В воскресенье было нельзя, поэтому и в понедельник, и взял вместо 3 (он прибавил своих 2) 6 книг, так что всего теперь у меня 8 №№ «Отеч. записок», и их более всего я читал). После обеда пришел Вас. Петр., посидел несколько времени, и вместе отправились к Залеману. На дороге попался Раев, который сказал, что Черняев дает уроки истории у Чистякова, теперь болен корью, поэтому предлагали ему, он не может и верно уступит мне — верно, поэтому чтобы я зашел к нему в 10 час.; хорошо. Залеман сидел за фортепьяно за уроками, поэтому мы пошли в другие комнаты, где они занимаются во время экзаменов, к Галлеру. Туда Славинский принес Куторгину программу. Переписавши ее, мы вместе с Славинским вышли, он домой, мы в Пассаж, чтоб подождать, когда кончится Залеманов урок. Раев, побывавши, где ему нужно было, воротился, встретился со Славинским, который сказал ему, где мы, и нашел нас в Пассаже, и решительно сказал, что уступает мне, чтобы я сейчас отправился к Черняеву; хорошо. Поэтому мы тотчас пошли; заходили к Залеману было, но урок не кончился еще, и, не входя, пошли к нам, где напились чаю, и я довольно много кричал с Ив. Григ. о недействительности наказаний к предупреждению преступлений, о чрезмерной и глупой жестокости их,

и т. д. — После этого пошли вместе отыскивать Черняевых квартиру. — (Подали ужин, и допишу в следующий раз, конечно, завтра, потому что снова пришла охота писать.)

Продолжаю после ужина (11 час. 8 мин.). — Вместо Нарвской части мы пришли к одному из Нарвских кварталов, который ближе к Обуховскому проспекту, долго ходили по домам, перебулгачили пропасть народу и не нашли. Оттуда пошли к В. П., у которого просидел я до 10¹/₄, когда воротилась Над. Ег. от Самбурских. Это меня почти нисколько не расстроило.

21-го [апреля], четверг. — Утром к Александру Фед., расспросил лучше о положении дома Черняева. Он сердился на меня, но сказал при уходе, что там есть одна хорошенькая... Хорошо, посмотрю, — кто, и сердце как-то более переменялось, но и в среду уж, как воротился от Вас. Петр. (до этого времени не был одинок, и нельзя было думать), уж как-то думалось с удовольствием о том, что буду давать уроки девушкам 16-ти лет, уже взрослым, которые могут понимать и у которых можно отличиться, но так как не был уверен, что согласится Чистяков, то мало довольно занимался этим. — Хорошо, отправился к Черняеву; тот лежал, сказал, что очень рад. Я посидел у него от 10 до 11 почти и пошел к Чистякову, который живет на углу Ивановской и Кабинетской в 150 саженьях от меня — это-то хорошо, что так близко. Пошел, не запутался и прямо нашел дом, никого не спрашивал, — впрочем, это было и легко, потому что надпись «Пансион». — Хорошо, вхожу. После уж, теперь ложусь спать. 11¹/₄ час.

(Писано 23, в субботу, 10 час. 20 мин. веч.) — Михаил Борисович — так зовут Чистякова — принял весьма ласково и просто, т.-е. с тою простотою, которую, как кажется, он с любовью придает себе и своим словам и движениям. Когда я сказал, что я вместо Раева, он сказал: «Что ж, я весьма рад», — и только всего. Я просидел у него с ¹/₄ часа; говорили о предметах серьезных, Синоде, духовном управлении, реформах, политике. Он говорит лучше, чем я думал, судя по его книжке, но что человек ограниченный — это что и говорить, но как кажется (конечно, не забывая себя и весьма ловко умея обделывать свои дела) добрый. Мне он нельзя сказать, чтобы понравился, но решительно ничего, даже лучше, чем ничего, туда и сюда; только не нравится, как он делает губами, когда говорит, выпячивая и вместе сжимая их — это придает какой-то глуповатый оттенок; он принадлежит к породе Ал. Фед. в том отношении, что говорит о себе много, — однако, так делает большая часть людей, — т.-е. рассказывает события своей жизни, так что я могу уже написать 3—4 страницы «Отеч. записок» его биографии.

Когда пришел домой, пришел Раев, сказал, что там есть одна весьма хорошенькая, «смотрите, не влюбитесь». Это меня несколько задело. — Что, в самом деле? Разве от меня долго этого ждать? Ведь я жду только первого повода, первой возможности и врежусь, и сердце этим стало шевелиться: в самом деле, я чувствую боль

или приятное чувство в сердце, в физической части тела, как, напр., чувствую это и в наружных частях тела и в половых органах, и т. д. Вечером читал «Отеч. записки», и воображение мое несколько разыгрывалось при мысли, как я стану читать перед этими девицами, как я увлеку их, займу, как покажусь им умнее и интереснее всех других; должно говорить о средней истории — и у меня в голове бродит, как я буду говорить, напр., о книгопечатании, реформации и т. п. Читал, и все в уме вертелось эти мысли, как вертятся и теперь.

В пятницу в 10 час. я должен буду быть у Чистякова на уроке, поэтому я, как воротился от него, сходил в баню, вечером пошел к Иванову, чтобы оттуда пойти постричься и даже думал побриться, но когда посмотрел в зеркало, увидел, что еще не стоит: это все для того, чтобы явиться в порядочном виде перед ученицами.

22-го [апреля], пятница. — В 9-50 вышел из дому, ровно било 10 у Чистякова, когда я пришел; посидел с ним минут 10, пока приготовлялся, узнал его жену, — та самая, которую видел я у Иринарха, в чем меня заставили было усомниться слишком большие похвалы ей и ее светскости и проч. Она решительно ничего, только, мне кажется, глаза что-то походят на глаза Норманской (которую, между тем, я не видел уже лет 8, да и раньше видел, конечно, плохо), так как-то неприятно. Я был решительно холоден, сердце ровно нисколько не билось, решительно ничего, вовсе не то, что когда один и когда бродят в голове мысли; а тут решительно без всяких мыслей и всяких образов и решительно ничего, решительно не думаю робеть или конфузиться, но должно сказать, решительно становился как-то как бы машиною (это все равно то же самое, как со мною бывает, когда, напр., едва не наедут на тебя лошади, так что едва увернешься из-под дышла — решительно холоден, так что и не думает дрогнуть сердце, хотя в самом деле опасно), находился в каком-то как бы забытии или опьянении легком. Входим с его женою в класс, там сидят 5 девиц, двух не было (Рубцовой, т.-е. племянницы Прасковьи Петровны Оржевской, и другой). Должно быть одну из тех, которые не были, называют хорошенькою, потому что этих всех нельзя так собственно назвать, — две, кажется, ничего, другие пожалуй и дурны — ну, да после лучше рассмотрю, — и вот я решительно спокойно, без всякого смущения (только несколько неловко положил шляпу свою, когда жена Чистякова сказала, что она меня беспокоит — положил на пол, а она подняла и положила на окно) стал слушать урок, как у них делают, и рассказывать вообще картины византийского быта — урок был о Византии. Так как было холодно, я шел распахнувшись, то грудь вдруг стала как-то застывать минут через 10 или 15 после начатия класса. Через $\frac{1}{4}$ часа этак после [того], как я вошел в комнату, голос изменился, стал глухим, я едва мог говорить, грудь потяжелела, но все-таки я продолжал говорить, и скоро это прошло. Девицы смеялись, — мне показалось, что отчасти и надо мною, но едва ли, потому что смеялись не конфузясь или не

«стараясь это утаить от меня, а то более исподтишка бы, — да если и надо мною, то для меня решительно не обидно бы, решительно нет, а напротив, я даже готов поощрять к этому с решительною веселостью. На душе если теперь грустно — от других причин: урок кончился раньше, чем я мог ожидать. Я поклонился, как и входя, — снова неловко, разумеется, — но решительно ничего, — не думал краснеть по своему обыкновению.

(Писано 26 апреля, в 10 час. вечера.) — Когда я воротился домой от Чистякова, у меня был (нет, смешал — это было в четверг, что был Раев), у меня разыгралось снова воображение, и уж здесь не участвовала красота, любовь и т. д., а собственно удовольствие переливать свои взгляды, чертить картины, заинтересовать, сделаться в их глазах порядочным человеком. Но меня смущало несколько то, что, может быть, Чистякова, которая была постоянно при уроке, заметила (однако, я не думаю, чтобы могла) мою ошибку, когда я отнес к убийству в Антиохии по приказанию Аркадия и [к] Аркадию анекдот, как Амвросий не допустил императора до причастия, — мне вспомнилось, что это был не Аркадий. Но все-таки я ждал с большим удовольствием и даже, если угодно, нетерпением, следующего раза, т. е. вторника, т. е. нынешнего дня, и это жданье продолжалось до настоящего времени, и теперь снова жду пятницы тоже с удовольствием.

23-го [апреля], суббота. — Утром пошел к Булычеву, — у него сидел писарь, писал доклад. Нет, я пошел к Нату, как следовало — он, бедный, все болен; я просидел у него с $\frac{1}{4}$ часа, и он взял мой адрес, чтобы, когда выздоровеет, обратиться ко мне. Жаль несколько бедного. Оттуда пошел домой и читал «Отеч. записки».

24-го [апреля], воскресенье. — Утром пошел к Булычеву — дома. Толковал довольно долго и без всякого результата для меня, т. е. решительно не стало определенное для меня, что делать. Он уходил на довольно долгое время с магазинщиком рассматривать белье, которое должен был отдать шить, я дождался и читал «С.-Петербург. Ведомости». Таким образом почти до 12-ти; под конец он предложил мне теперь же перейти к нему, дело для меня важное, может быть, весьма важное, — я сказал, что весьма рад, и он назначил для решительных переговоров среду, т. е. 27-ое завтра. Дал 30 р. сер., которые я вечером передал Вас. Петр. Тотчас от него отправился к Срезневскому сказать об этом предложении и посоветоваться. Тот был рад от души, так что чувство выказалось в голосе, каким он сказал: «я этому весьма рад, весьма рад». У него сидел какой-то господин, и вот толковали об изучении славянского и нашего языка. Срезневский более здесь являлся мне ученым и умным человеком, чем обыкновенно; я должен был просидеть около $1\frac{1}{2}$ часа; он давал мне различные наставления, рассказывал при этом, как сам жил у одного вельможи в деревне. «Главное, — говорит он, — никак не должно показывать вида, что вы ему обязаны, — вы ему нужны, а не он вам». Срезневский слишком хороший человек, и должно быть я ему буду обязан не

одним этим, а вообще должно быть он готов сделать все, что может, — действительно, весьма благородный и добрый человек. Да, напишу об этом деле — переходе к Булычеву.

Собственно говоря, я не должен был бы радоваться этому, а скорее жалеть и постараться отказаться или оттянуть вдаль, потому что ведь через это я лишаюсь возможности передавать работу Вас. Петр., и действительно, с этой стороны мне жаль и известно перед Вас. Петр., что я пустые интересы, да может быть и не интересы, свои ставлю выше его интересов. Чорт знает, а между тем, на душе как-то приятно, что перейду: возбуждаются какие-то надежды, какие-то мечты. Не знаю, постараюсь записать те, которые ясно представляются.

Сближение с этим домом порядочным введет меня в круг порядочных людей, думаю я. А может быть, и не введет, может быть, я уединюсь у себя в комнате. Нет, думаю, что сблизюсь, приучусь быть как следует, держать себя как следует, стану через несколько времени говорить по-французски, по-немецки, одним словом — стану, как должно быть. Еще Срезневский сказал, что жена его весьма молода — «еще ребенок почти», ей всего 19 лет. Вот я и ожидаю, что миленькая, хорошенькая, умная и т. д., что я сблизюсь с нею, понравлюсь ей — т.-е., само собою разумеется, не что-нибудь вроде любви и т. д., а, во-первых, буду иметь приятное общество, во-вторых, приучу держать себя как следует с женщинами, приучусь знать их и т. д. — о любви у меня в мыслях нет и помину. Конечно, я думаю, что скорее будет разочарование, что она вроде его, т.-е. женщина — или ребенок, как угодно, — весьма добрая, но ограниченная и не слишком-то привлекательная, а разве возбуждающая в душе идею о кислом или о человеке, поевшем кислого: он всегда делает такую гримасу, когда хочет сделать какое-нибудь хорошее движение лица, или даже просто это само собою делается, как он хочет сказать или вздумать что-нибудь по его мнению хорошее. Потом через это, я думаю, более сблизюсь с Срезневским (вот это не мечта, должно быть, а настоящая здравая мысль, которая должна исполниться), и, конечно, через это будет лучше по окончании курса, да и, кроме того, приятность; может быть, сблизюсь с кем-нибудь другим, напр., из литераторов или ученых, через кого можно двинуться вперед, может быть, буду даже в состоянии доставить что-нибудь Вас. Петр., т.-е. знакомство или возможность быть сотрудником «Отеч. записок» или «Современника», или уроки и т. д., — это не знаю, верно ли, может быть, и верно, но едва ли скоро может быть, а разве через 3—4 месяца. Может быть, и сближение мое с Срезневским может быть ему полезно. Наконец, мне льстит перспектива ученого труда и т. д. — Я теперь уже думаю, что почти весь он будет принадлежать мне, что ему будут принадлежать только топографические сведения и цветки реторики, — имя мне все равно, мое или его, но во всяком случае мое сотрудничество не может не быть известно кому следует и должно доставить мне некоторую репу-

тацию, должно дать мне возможность идти по окончании курса по ученой дороге. Наконец, мысль, что я разделяюсь с Терсинскими, с которыми отношения мои были так невыгодны для моей чести; хотя, однако, с этой стороны тяготит меня то, что я, отнимая тягость у них, отнимаю у себя возможность давать Вас. Петр. столько, сколько давал раньше — потому что ведь понадобятся расходы на одежду, и сейчас надобно бы сюртук, без которого, может быть, можно (хотя едва ли) было бы обойтись. Но вот теперь мои мысли в этом отношении несколько переменяются: денег из дому мне будет доставать на одежду, а между тем эти 20 р. сер. будут поступать Вас. Петр. Конечно, и кроме того будет перепадать мне что-нибудь из случайных источников, напр., уроков, как у Ната и Чистякова, — одним словом, когда захочу или, лучше, когда захочется оправдать себя в подлом или все равно эгоистичном поступке, всегда оправдываюсь очень хорошо. — Итак, рисуется светская жизнь, блистание некоторое умом, знаниями, языком острым, остроумием, некоторая перспектива приятного общества, приятного существа, с которым несколько раз в день видется и говорить, некоторые виды на обеспечение будущности и т. д. — Наконец, дело выйдет гораздо лучше, чем когда бы я не жил у него, дело, т.-е. его сочинение гораздо лучше, гораздо лучше. — Ужин, поэтому перестая писать и сажусь. Нет, приехал Ив. Гр., поэтому я погожу, потому что неприятно мне сидеть вместе с ним, потому что он ужасно чавкает. Теперь 11 час. Вечером был у Вас. Петр., отдал деньги, сказавши, что у себя оставил, кроме этого, сколько следовало. Над. Ег. долго не было дома.

25 [апреля], понедельник. — Утром в 9 час. отправился, наконец, исполнить поручение папеньки в Детскую больницу, оттуда к Корелкину, оттуда в университет, где получил письмо (в половине 12), оттуда к Вольфу, где выпил чашку чая и досиделся до скверности, как иногда случается — захотелось на двор, т.-е. вроде поноса, и едва успел зайти, как это случалось уже раньше, в дом, который подле, угольный, на углу Казанской площади и Канала, где Милутины лавки. Оттуда пошел купить перьев, оттуда к Кораблеву, комиссионеру Детской больницы, куда послали меня, и который послал меня снова назад.

Вечером два раза был Ал. Фед., оба раза ненадолго; рассказывал о том, как взяла полиция тайная Ханыкова, Петрашевского, Дебу, Плещеева, Достоевских и т. д. — ужасно подлая и глупая, должно быть, история; эти скоты, вроде этих свиней Бутурлина и т. д., Орлова и Дубельта и т. д., — должны были бы быть повешены¹⁴⁸. Как легко попасть в историю, — я, напр., сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы.

26-го [апреля]. (Это писано 3 мая, вторник, в 9½ вечера или более). — Утром был у Чистякова, говорил о Норманском молении¹⁴⁹ и был несколько доволен собою, хотя не слишком, но ни-

чего. Да, должно сказать, что...^{*} первая больше понравилась мне во вторник, чем в первый раз: довольно хороша и полненькая, и кажется умное лицо, и мне приятно было бы читать для нее, и, однако, должен сказать, [что] если встречу ее [то], может быть, и не узнаю. В четверг вечером (был у Ол. Як., который негодовал, рассказывая об этих подлецах, которые, напр., как Липранди, губят людей, раздражают массу для собственных видов; после просидел до 10 час. у Иванова) получил [письмо], что увидел, когда воротился домой. Вечером был у Славинского по лекциям, и как у него больные глаза и не мог читать, [то] вызвался быть у него на другой день.

27-го, в среду был у Булычева, который сказал, что не успел обдумать, а в конце этой недели передаст свои условия Срезневскому, и чтобы я зашел поэтому к Срезневскому на следующей, т.-е. этой, неделе, во вторник. После у Славинского до 8, бывши по дороге у Иванова. Читал с Славинским книжку Куторги, прочитал всю.

28-го [апреля], четверг. — Утром был в Комитете Детской больницы. Оттуда к Черняеву до 1 часу; оттуда идя, стоял до 3 часов на Семеновском плацу, где ученье. Поздно домой, вечером к Ол. Як., оттуда к Иванову. Когда пришел домой — письмо. Мне показалось — от Булычева, обрадовался и щелкнул при Терсинском пальцем, живо вскрикнувши «а!» в знак того, что узнал; все-таки не распечатал, пока не разделся, и т. д. Открываю — от Чистякова, что вместо меня взялся за Константина Ивановича и прилагает за 2 урока 4 р. сер. — Ужасно стало грустно, особенно этот вечер, да и на другой день, т.-е. в пятницу утром, к вечеру менее, все-таки было даже и в субботу это чувство: итак, я нигде не могу поладить своими уроками, итак, мой взгляд на то, как учить и что должно заучивать, что нужно ученикам, не годится; итак, если угодно быть как другие, должно переделывать себя (эта последняя мысль теперь только ясна, а то просто неясно мучила); ужасно тяжело было; а я с таким удовольствием развертывался 2 раза с своими знаниями и понятиями и взглядами! Вот тебе и раз, лучше было бы, если бы просто более слушал, чем говорил.

29-го [апреля], пятница. — Утром сходил переменить книги, — нет, это было в субботу, а в пятницу дочитывал прежние, которые должен был отнести, и «Débats», да несколько прочитал Куторги, был у Вас. Петр., должно быть пришел после обеда Вас. Петр. и взял одну из них (№№ 7, 9, 10, 11 «Отеч. записок» за 1845 г., потому что № 8 не было); до самого почти вечера субботы все читал эти книги. Начал читать и с большим наслаждением читал «Теверино»¹⁵⁰. Я не знаю, эта роскошная жизнь, разлитая во всем рассказе, это — я не знаю, как сказать, — что-то богатое, свободное, дух сильный, воображение творческое, чрезвычайно сильное, все это как-то приковало меня, и у меня и теперь еще мелькает Теверино в глазах и выведенные вместе с ним, но

^{*} Неразборчиво. Ред.

только оттеняющие его образы: да, сильный, великий, увлекательный, поражающий душу писатель, эта Жорж Занд: все ее сочинения должно перечитать. После этой повести остается у меня чувство, похожее на то, как если бы иметь прекрасную, любимую от всей души сестру и поговорить с ней часа два от души, прерывая разговор всякими братскими нежностями — какая-то духовно-материальная, но решительно чистая радость, светлость.

30-го [апреля], суббота. — Утром был у Ал. Фед. рано; оттуда переменить [книги]. Вечером был Вас. Петр. (а не вчера, т.-е. в пятницу). С вечера принялся несколько за Куторгу, так что было прочитано, хоть плохо, всего до воскресенья 5 страниц с 4-го билета, поэтому до 9-го или 8-го, да была прочитана книга Куторги; не хотелось приниматься, потому что думал, что успею в следующие два дня. Хорошо, и успел, и делал дело, совершенно не отрываясь, когда пришло время.

1-го и 2 мая — читал [лекции] Куторги; ходил оба дня в университет за письмом после обеда тотчас, но перевоза * не было, поэтому думал шутя, не будет перевоза и 3-го, все-таки готовился. В воскресенье был Ал. Фед., который уже знает о Чистяковском деле.

3-го [мая], вторник. — Утром встал в 5 или 6, нет, в 5 ч. 20 м., легши нарочно в 10; дочитал все, что хотел у Куторги, переехал туда на катере, ужасно долго ехал, хотел и не хотел беситься, все-таки не бесился, потому что не стоило, — должно быть, успею еще. Вышел на экзамен последним, т.-е. перед Главинским, который сказал, что он последний, а так случилось потому, что не хотел отбивать очереди ни у кого, хотя поднимался, чтоб выйти четвертым, и пятым, и шестым, и седьмым. Всего было нас двенадцать. Мне достался из греческой 13-й [билет] (часто мне 13 выходит), из средней — об услугах Карла дома до коронавания. Вышел решительно без робости, не как раньше, совершенно холоден (хотя должен сказать, что в аудитории не то что озяб, а не мешало бы быть потеплее, поэтому, посидевши несколько времени, стал подрагивать), потому что знаю, что ничего не может быть. Итак, во всяком случае, это хорошо, мало-по-малу становлюсь апатичнее в этом смысле, т.-е. не робею и решительно все равно. «Лисагора был, — сказал я, — как все греки, которые с персами бывали в сношениях, как бы сказать (интригант и пронырливый не приходило в ум)... да просто мошенник» — отчасти сказал я это и для хорошего словца, чтоб потешить Куторгу и других, да и себя. Куторга залился смехом, я также счел обязанностью улыбнуться довольно широко, но холодно продолжал... «т.-е. интригант». — Оттуда, как и вчера, зашел к Вольфу (чай вчера). Когда пришел домой, устал; погода гадкая, поэтому лежал и читал; после сидел и читал «Débats», после «Отеч. записки», а к Вас. Петр., как обещался, не пошел, — лучше завтра, когда побываю у Срезнев-

* Через Неву. Ред.

ского, — где, может быть, что-нибудь узнаю, хотя, может быть, еще ничего и нет, — и в почтамте, потому что прислали деньги.

19-го числа [мая]. Писал в 9 час. вечера. — Итак, я не писал две недели. Напишу прежде всего об экзаменах. 10 числа был Срезневский, 17-го — Устрялов. Как у меня были «Отеч. записки» и «Débats», то я все читал, шатался по кондитерским (собственно бывал только, кажется, у одного Вольфа, — у Иванова не хочу бывать почти: раз, когда я протягивал руку за «Отеч. записками», он положил на них локоть и сказал: «занята», — довольно грубо, мне показалось, а главное, что ему, должно быть, кажется, что я мало беру у него), бывал почти каждый день и часто весьма долго. Бывал у Вас. Петр., хотя гораздо реже, чем прежде, бывал он у меня довольно часто, и время проходило решительно не за лекциями: к Срезневскому начал готовиться в субботу, весьма мало; собственно готовился только два дня; в понедельник-вторник ночь не спалось до 4-х часов, собственно потому, что должно было дочитать записки. Несколько думал, что нехорошо приготавлился, и было совестно перед Срезневым, но решительно ничего не трусил, решительно нет; это мне приятно, что я становлюсь решительно холоден и не дрожу, а решительно спокоен, хоть приятно или нет, боишься или нет. Достался прекрасный билет, кажется 8-й что ли, о чешской литературе в древнейшее время, здесь о Любуше и Краледворской рукописи¹⁵¹; хорошо, пошел, отвечал легко, ничего.

Да, должно сказать, что на другой день после Куторги, в среду, я был у него, застал там какого-то читающего публичные лекции английского языка датчанина, должно быть, Гасфельда, и должно быть просидел около часа, потому что завязался разговор (это было 4 мая) политический — о Дании и Франкфурте и Шлезвиге и венграх; Срезневский рассказывал несколько о Кошуте. Они стояли за Данию; Срезневский называл Франкфуртское Собрание — Шустер-клуб; «Кошут, — говорит, — ренегат во всех отношениях, желал гибели венгров»; я защищал, насколько, казалось мне, позволяло приличие, а может быть, и более, и, может быть, понравился Срезневскому, потому что он, когда я уходил, подал мне руку с какою-то сердечностью.

После Куторги снова принял за «Отечественные записки», Вольфа и Вас. Петр., так что снова не готовился, откладывал до последних двух дней Устрялова. Да, мне прислали 25 р., 5 р. я оставил на сапоги, 20 отдал Вас. Петр., сказавши, что это от Булычева. Хорошо.

15-го [мая], воскресенье. — Когда я просыпался, Любинька говорит мне, что им нужно денег. У меня было только 7 р. сер., и 75 к. сер. я отдал. Мне ужасно было совестно, да и теперь тоже, что я даром живу, так что неприятно все. И сказала мне, что они ныне переезжают на дачу — это также неприятно: когда мне готовиться? Поэтому я сейчас отправился к Булычеву — нет дома. уехал посмотреть дачу, приедет в 5 час. Я решился снова придти, по-

тому что думал, что, может быть, ненужно будет перебираться с ними на дачу. Оттуда пошел, пообедавши дома, к Ал. Фед., чтоб не беспокоили сборы, просидел до 5, после зашел на квартиру узнать, уехали ли — уехали, и я снова к Булычеву. Он велел быть в субботу в 11 часов. Хорошо. Оттуда, зашедши несколько отдохнуть к Вольфу, пошел на дачу (Малая Кушелевка, дача Роде) не по самой короткой дороге — ходил я в этот день, сколько еще никогда, и все-таки не ломило ноги, хотя была некоторая усталость. Я ходил всего: от Максимовича к Булычеву и назад около 100 минут, после к Ал. Фед. 16 мин., оттуда домой снова 16, оттуда к Булычеву еще 50 или 48 хотя, всего 180 мин. = 3 часа — и оттуда на дачу пришел без $\frac{1}{4}$ 9, между тем как у Булычева был в 6, — по крайней мере $2\frac{1}{2}$ часа — итак, $5\frac{1}{4}$ часа, 32 версты. Напала тоска отчасти потому что не мог надеяться приготовиться к Устрялову, но не это главное, я думал, что экзамен пустой, а главное — разлука с Вас. Петр. — каково? Тоска, тоска: вот я отделен от него, редко виделся, он не будет бывать у меня, и потом грусть вообще по городу, так что ужасно тосковал до самого утра Устрялова — целых полтора суток. На другой день все готовился и приготовился весьма плохо, как еще никогда, может быть, не был плох. Утром во вторник встал довольно рано, кажется, в 5 час., в $7\frac{1}{2}$ отправился и все-таки пришел поздно.

17-го [мая], вторник. — Должно сказать, что меня озабочивали сапоги, которые одни и, думаю, весьма готовы протереться, а Фриц, у которого я был в воскресенье 15-го, сказал, что сделает не раньше, как через 2 недели. Итак, я думал, как бы сберечь. Наконец, решился идти в старых, взяв с собою новые, чтоб переменить в городе, а чтобы не видно было в худое белого носка, завернул правую ногу черным галстуком, — каково? Это меня утешило. Поехал через перевоз, шел мимо Самсония, переехал к Летнему саду, — в такой ветер никогда еще не ездил, хотя не слишком велик, конечно, — поэтому и отдал 15 к. сер. за перевоз из 30, которые были у меня. Устрялов уж экзаменовал и весьма строго; я должен был струсить, но не струсил, так как-то был в надежде, и в самом деле — второй билет: о славянах до основания русского государства; конечно, я здесь мог говорить без приготовления, и Устрялов сказал: «Видно, что вы занимались». Мне было совестно перед товарищами, напр., особенно перед Лыткиным, который получил тройку и которому он сказал, чтобы более занимался. Это меня развеселило: удивительное счастье или, как я думал, бог помог! Именно я так думал, потому что в сущности не только религиозен, но и суеверен. — Хорошо. Такого счастья еще никогда не было! Мог получить тройку и держу блистательно — просто совестно! А между тем, рад, что отделаюсь, слишком плохо был готов. Ужинаю и ложусь, потому что завтра должно раньше встать для Фрейтага.

(Писано 22-го мая в 11 ч. вечера.) — От Устрялова тотчас пошел к Вольфу, оттуда через Гостиный двор к Вас. Петр., купил там пятикопеечный калач и съел. У Вас. Петр. посидел несколько

минут, может быть, с час, и пошли вместе — мне [должно] было быть у Раева, отнести книгу Черняева, зайти переменить книги у Крашенинникова, наконец, отдать Славинскому замечания на Фрейтага Лыткина, которые я имел глупость взять у него. Когда мы шли к Крашенинникову и оттуда к Ал. Фед., я почти все говорил о Жорж Занде («Теверино» и т. д. и т. д.). У Раева просидел с час. Я отпирал своим ключом его ящики, ища табаку: нашел несколько. Вас. Петр. велел, чтобы я от Фрейтага приходил обедать к нему.

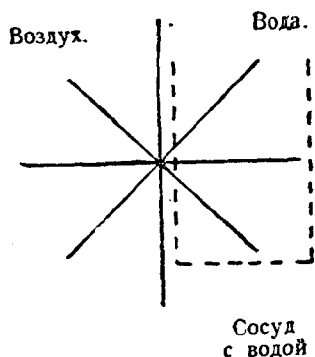
В субботу должен был я быть у Булычева, поэтому решился ночевать в городе у Ал. Фед. Хорошо. У Славинского говорил о Фрейтаге и несколько заговорился, так что отчасти и привирал. Особенно совестно было, когда говорил, что, например, мое из поэтов и писателей, — например, Горация, а они не указывали, что это занято, — сконфузился. Среду и четверг провел почти ничего, кончил или почти кончил XVI том Собрания [законов], готовил Фукидиду, читал «Отеч. записки» 1—4 №№ [18]47 г. и т. д.; было спокойно и ничего.

20-го [мая], пятница. — От Фрейтага и Вольфа пошел к Ал. Фед., чтобы взять «Германа»¹⁵², оттуда к Вас. Петр. Надежда Егоровна снова понравилась довольно много, и довольно с теплою любовью и участием смотрел я на нее, а когда Вас. Петр. уходил со мною, а она тосковала о том, что и она не пойдет гулять, а Вас. Петр. было это тяжело, мне стало досадно почти на него, т.-е. было бы весьма досадно, если бы не знал я, как ему тяжело его положение. Вместе с ним пошли к Черняевым, — их не было дома, — хорошо. Оттуда к Ив. Вас., у которого посидели с час, чай пили; он толковал мне о своей службе, и мне стало его жаль, в самом деле, жаль, не удастся человеку или мучается человек. Оттуда к Вас. Петр. Над. Ег. ушла к хозяевам. Вас. Петр. этого не знал и досадовал, что нет ключа; объяснилось, принесли ключ. Просидел до 8, они проводили меня до квартиры Ал. Фед-ча, у которого был Ив. Вас. Посидели вместе до 9 [час.], после я, заняв у Ал. Фед. полтинник, пошел к Вольфу. Утром к Булычеву — дома нет, должно во вторник в 10 час. — Меня это не то, что сильно оскорбило, а так порядочно — говорит, чтобы быть, а между тем приходите в другое время, что это? Т.-е. не оскорбление главное, это ничего, а то, что это показывает, что отношения неравны, что смотрит на человека, готового к услугам. Идя туда, взял в университете письмо: «Если вообще теперь могут мешать тебе, не оставайся там», — хорошо. Когда я пошел от Булычева, у меня образовалась мысль, которой начало было положено тогда, когда мы вчера проходили с Вас. Петр. мимо пустой квартиры. Он показал и сказал, что предлагает Ив. Вас. взять ее вместе, а теперь думаю: весьма может быть, что я не пойду к Булычеву, тогда буду жить вместе с Вас. Петр. Пришел домой в 2 часа.

Воскресенье, 22 [мая]. — В это утро пришла новая идея о вечном движении, самая простая, самая простая, чрезвычайно легко

осуществимая, так что соблазняет, не сделать ли самому модель. Об этом после, теперь ложусь. Слава богу, который дал мне эту идею.

(Писано 23-го, в 10 утра.)—Вчера, в воскресенье утром 22 мая, проснувшись около 7^{1/2} час., я лежал еще на постели с полчаса,

до 8 или 8^{1/4}, думая без большого внимания или интереса о том, о другом, о себе, конечно, более всего, поэтому и о своем значении, поэтому и о своем изобретении — *perpetuum mobile*. Вдруг вздумалось: боже мой, да ведь сущность в том, что на одной стороне оси облегчены водою, на другой нет, колесо; поэтому лучше всего вместо этих подвижных поршней и т. д. сделать просто плотные массы, только сделать так, чтоб по одной стороне оси были они в воде, по другой в воздухе, так (см. чертеж), т. е. сделать сосуд, в котором в одной стороне прорезка, гер-

метически припоровленная к тем спицам и массам, которые будут входить в нее, так, чтоб они входили, вода не могла выходить из сосуда этою прорезкою, — это вещь весьма легкая, потому что так делается в атмосферической железной дороге, что поршень проходит, воздух не проходит, это будет так: края прорезки будут раздвигаться при давлении спицы и массы, сделанной чечевицеобразно, как маятник, и сходитьсь снова, когда

(продолжаю 4 июня в 10^{1/2} час. вечера)

спица и чечевица пройдет. После вздумал, что лучше делать, т. е. выгоднее при одном диаметре, не отдельные чечевицы, а колесо со сплошным ободом; после расчел, что еще лучше делать колесо совершенно сплошное, круг, диск, без спиц, без прорезок. Только мысль: «что, как это не будет вертеться?» Но это вздор, ясно, это так только говорит неверующая и невежественная натура. Итак, жернов деревянный лучше всего входит в прорезку ванны или котла или кадки с перпендикулярными стенками; эта прорезка герметически приложена к ширине и длине входящего в нее пояса круга (полукруга), так что вода не выливается, т. е. не тратится и своим трением при выливании не мешает движению колеса. Я не отчаиваюсь в скором времени устроить эту машину, потому что это слишком просто и может стать весьма недорого, можно сделать в 2—3 р. сер. — ах, если бы было можно!

Во вторник и среду готовился, но во вторник больше читал «Отеч. записки» и XII т. Беккера; собственно готовился в среду, читал теперь Кюнера о глаголах все.

26-го [мая], четверг. — Экзаменовался последним, хорошо, ошибку сделал только одну — сделал от *κρίνω* (перемешал его в уме с *κράτω*, прошедшее изъявительное страдательного [залога]

как должно, а в неокончательном не как должно, как *ἐπὶ τοῦ* как-то у меня сказалось, хотя для самого ясно было бы, если б не непонятное затмение ума, которое, однако, сначала послужило в пользу, заставив не задумавшись сказать, как это будет в изъяснительном наклонении. Везде пять, кроме [греческого].

Да, во вторник 24-го был у Булычева, дожидаясь с час, пока он просматривал старое. Лакей сказал, провел в кабинет. Как сели, я сказал: «Я перейду, если вам не будет стеснительно, а для меня все равно это, но только если останусь и когда вы воротитесь, а то не стоит только на то время, когда вы на даче». Он сказал: «Ну, так подумаем, а теперь пока 30 р. сер.». Я говорю: «Пожалуй». — «А мы увидимся через две недели, я буду в Сенате». Как теперь у меня еще почти ничего не готово, я решился не быть, а буду в следующей вторник. Мне показалось, что он недоволен моим тоном, или как это сказать, и я решился поговорить с Срезневским.

28-го мая, суббота. — Получил письмо, где говорят: «Если не устроятся дела, приезжай»¹⁵³. Это не так хорошо, потому что как оставить Вас. Петр.? Решился переговорить с Срезневским, Булычевым, порекомендовать Булычеву Вас. Петр., так, чтобы он не через меня, а прямо относился к нему, но этого всего не будет. Почти решился ехать, но не знал, как быть с Вас. Петр., поэтому, когда в воскресенье вечером пришел, чтоб в понедельник видаться с Срезневским, пошел к нему. Он проводил меня к Ал. Фед., которого не было дома, и мы начали говорить. Говорили, говорили, он говорит: «Не деньги, это пустое, а главное, — я не знаю, как буду не видаться с вами, — теперь, когда не вижусь неделю, и то не знаю, как провожу ее, а то целых два месяца». Я сказал ему, что приеду в конце июля. После, разумеется, говорили, говорили все более и более. Он спросил моего мнения о мис. Я говорил, говорил, наконец, сказал, за что я себя считаю, как необыкновенно высоко себя ставлю, считаю себя призванным к необыкновенным переворотам, и сказал ему, что считаю себя изобретателем машины, которая сама собою движется. Он говорит: «Во-первых, это, может быть, невозможно, во-вторых, мир более нуждается в освобождении от нравственного ига и предрассудков, чем от материального труда и нужд; более нужно развить сердце, нравственность, ум, чем освободить от материального труда». И говорил мне, чтобы я был вторым спасителем, о чем он не раз и раньше намекал. Я не стал ни слова возражать почти против этих слов, однако не в виде возражения, а так, чтобы разговор не возвращался к вопросу о том, что важнее теперь, проповедывание нравственности и любви к человечеству или изгнание материальной бедности, нужды и т. д., — сказал: «Да много ли успехов принесло учение этого существа, которое проповедывало нравственность и любовь? Вот 18 веков, а эти учения и не думали еще входить в жизнь». И тут, хотя я этого не сказал и говорил немного, а более молчал, а говорил он, тут у меня более, чем прежде, ясно явилась мысль, что Иисус Хрис-

тос, может быть, не так делал, как можно было, т.-е. *contradictio in adjecto* *, бог, который может освободить человека от физических нужд, должен был раньше это сделать, а не проповедывать нравственность и любовь, не давши средств освободиться от того, что делает невозможным освобождение от порока, невежества, преступления и эгоизма.

После пришел Чернявский, и Вас. Петр. ушел. Мне было, конечно, неприятно, что я сказал о своей идее, об этом изобретении, потому что и он, во-первых, не верит, смешно, а, во-вторых, считает это ненужным. Что за глупость говорить о чем не следует. Все-таки не слишком жалею, потому что ведь он никому более не может сказать. Конечно, я сказал только потому, что думал, что он поймет всю важность этого и не отвергнет возможности, а он — это ничего, что отвергает возможность, главное — не видит важности этого, и, конечно, я не сказал бы, не проболтался бы, если б не сделалось нового переворота в этой идее за три-четыре дня, переворота, по которому я думаю не ныне-завтра видеть эту машину в моих руках. В среду, между прочим, перед Грефе экзаменом, или, может быть, в понедельник, я несколько часов провел в том, что старался сделать круг и повернуть его посредине так, чтобы он не перетягивался ни которою стороною, и отыскивал, нельзя ли как устроить тот сосуд, в который он должен входить. Когда не нашел такого сосуда, да и увидел, что не смогу прорезать так, чтобы вода не уходила, стал смотреть на падение воды из пруда **, нельзя ли там сделать — провернул пробку, и тоже пробовал, держа ее на игле, но не мог сделать сосуда, поэтому не была она одною половиною в воде, и вода течением своим иногда заставляла ее вертеться наоборот того, как следовало бы.

Итак, я проболтался и хотел, если бы можно, поправиться, сказать, что это я говорил так, но чувствовал тогда и чувствую теперь, что разуверить его нельзя и что говорено это было в слишком серьезном разговоре и слишком серьезным тоном.

Итак, 30-го увидел Срезневского. Тот сказал, чтоб я поговорил сам с ним об этом, потому что Срезневский в самом деле как же может с ним увидаться! — Хорошо; я зашел, во вторник будет, я пришел домой. Во вторник получил деньги на проезд 75 р., был в Сенате, не застал Булычева, был в конторе дилижансов с намерением взять билет, — сказали, что рано; я решился подождать до четверга, не будет ли чего, напр., может быть, будет попутчик, пошел домой, и когда пришел, спал и читал «Две Дианы» ¹⁵⁴ до 9, после до часу почти готовился к Фишеру, всего не более 7 часов читал я его записки. В среду взял 50 р. сер. с собою, отправился, сам не зная, что будет, но в намерении ехать — только Вас. Петр. затруднял, как тут быть. Хорошо. (Так как теперь половина 12-го, то перестаю писать.)

* Противоречие в определении.

** Вероятно, описка вместо сосуда. Ред.

Июнь месяц

(Писано 6 июня, ровно в 10 ч. вечера.) 1 июня. — Дочитал Фишерово, когда переезжал через Неву. На экзамен вышел раньше других, третьим, кажется, и получил билет последний, 13-й, — о ригористах и т. д. Когда воротился, сказал Славинский, чтоб я у него обедал. Пошел в Сенат к Булычеву, получить пашпорты, — нигде никого не застал. Пошел к Славинскому, просидел до 6. Он сказал, чтоб я приходил прочитать Никитенкины лекции. Хорошо. Пошел к Вас. Петр.; зашел все-таки раньше к Ив. Вас., у которого хотел ночевать. Вхожу — в дверях стоит Тушев; я зашел к нему и просидел почти до 8. Очень был рад, что увидел его, в самом деле он лучше всех наших, кроме, может быть, Нейлисова, да и то нет. Он живет с каким-то чиновником, тоже весьма бойким и должно быть умным человеком. Когда пошел к Вас. Петр., не застал его дома. Идя оттуда, встретил Ол. Як., который велел спросить у Ал. Фед., на что он Анне Дмитриевне, которая просила его к себе. Я зашел и воротился ночевать к Ол. Як., но Ал. Фед. пришел к нему, и мы ушли вместе. Утром к Славинскому, в 3 ч. к Вас. Петровичу. Думал я, что непременно поеду, посидевши у него; попросил проводить себя, и вот мы пошли мимо Владимирского и по Троицкому переулку. Я приставал к нему, чтобы он решительно сказал, могу ли ехать, нужен ли я ему. Он, конечно, не говорил прямо, я все настаивал, спросил, наконец, когда ворочусь, обещается ли он мне, что я его застаю здесь, он сказал, что не знает. «А если так, я не еду», — сказал я. Он промолчал, я повторил это и, наконец, стали говорить о другом. Так я пошел к Славинскому, вместо конторы дилижансов. Пошел от него, когда кончил, к Вольфу, где весьма мило, разменяли 50 р. сер., воротился оттуда в 12, когда двери [были] уже заперты. (Это все в четверг, 2-го.) Отдал Ал. Фед. долг и лег, условившись, что я зайду за ним. Я думал, это будет в пятницу, он — в субботу. Я сказал Вас. Петр., чтобы он принес том, который у него, в университет, чтоб зайти вместе от Никитенки. Ждал его до 12, он принес; вместо Сената, куда не хотелось, потому что думал в субботу привезти свои томы, поэтому что два дня сряду беспокоить? — к Ал. Фед., чтоб он мог покурить. Посидел почти до 1½. Я пошел за Ал. Фед., забыл купить фуражку, увидел с Ал. Фед., что не поняли друг друга, и я пошел домой. В субботу или воскресенье хотел быть Вас. Петр., поэтому я отложил в Сенат до понедельника, а свидание с Булычевым, которое должно было быть 7 числа, на две недели, или одну, когда будет довольно приготовлено. Хорошо. Отдал Любиньке 30 р. сер., другие 30 хочу отдать Вас. Петр., как бы получил их от Булычева; остается почти, когда отдам Фрицу 5, почти только 5 р. сер., т.-е. когда куплю фуражку, только 3½. Вечером и утром в субботу писал письмо домой, в котором просил прощения и говорил, что могу еще приехать, если они напишут мне, в конце июня, но это пишу только потому, что знаю, что не захотят уже, а то откуда взять де-

нег? Да, хотел видетсья с Панаевым. Письмо это отдал отнести Марье в отделение почтамта. Она понесла в Большую Кушелевку, там его взяли, но сказали, что пойдет оно уже во вторник; это меня огорчило: следовательно, оно не предупредит их, что меня не должно ждать, а придет в тот самый день, когда надеяться будут меня встретить, т.-е. 16 июня, как я написал в своем письме раньше, — это дурно. Я стал тосковать и эта тоска все увеличивалась, что я нанес такое, я знаю, сильное огорчение папеньке и маменьке, и бог знает, нужно ли было еще его делать, так ли я буду нужен Вас. Петр., как мне кажется, — если бы он мог обойтись и без меня. Стал писать в воскресенье другое письмо, о Саше главным образом. Да, как жить и переписывать и сверять написанное Вас. Петровичем? — Решился для этого бывать в университете, а сюда не носить, теперь вижу, что и это отчасти можно. — Большею частью читал «Отеч. записки» и XII том Беккера несколько и переписывал выписки из Собрания законов.

5-го [июня], воскресенье. — Пришел в 12 Ал. Фед., просидел почти до 5, мне было так скучно, я ничего почти не говорил, почти не слушал, потому что нечего, а как сидел без дела, то и нашили мысли о моем поступке относительно своих и напала порядочная тоска, которая все усиливалась и владела мною весь вечер; под влиянием ее писал и письмо. Читал «Отеч. записки» и т. XII Беккера; несколько переписывал.

6-го [июня], понедельник. — Утром взял V и XVI томы и пошел в гостиницу, дожидался дилижанса; один поехал, но был полон, просидел с 9 ч. 50 м. до 11 ч. 50 м., т.-е. два часа, наконец, пошел с книгами в контору — места заняты, поэтому я отложил до вторника и был почти рад этому, потому что увидел, что можно идти пешком, поэтому останется целых 25 к. сер. Дописал письмо, в котором повторил то, что писал в субботнем, думая, что оно, может быть, не дойдет. Это писал ровно полчаса. Писал все выписки, кончил V и почти кончил XVI томы, которые и отнесу завтра и там ночью.

(Писано во вторник, 14 числа в 10¹/₄ веч.) — Итак, вторник прошел так. В среду пошел снова с двумя томами; пришел, взял вместо них XVII и XVIII — к Вас. Петр.; у него мыли полы, поэтому я только положил их и пошел к Анне Дмитриевне и просидел у нее почти до 1¹/₂; она поручила зайти к Ал. Фед., сказать, чтоб он к ней, а не на дачу; хорошо. Его в департаменте не было, мне сказали, что в университете на диссертации; хорошо, пошел, сказал ему; там Депп защищал по уголовному праву диссертацию на магистра, весьма глупо, кажется. Оттуда к Вольфу, оттуда вечером к Вас. Петр. Конечно, ночевал у Ал. Фед. Условились, чтоб Вас. Петр. пришел на другой день ко мне для того, чтобы проводить меня и быть вместе со мною на даче. Я взял у него VI том и листик его, но, заходя к Ив. Вас., потерял его, что увидел уже на другой день и чем было огорчился, но ничего, — хорошо, ночевал.

8-го [июня], среда. — Утром пришел Вас. Петр.; ему должно было в 12 [ч.] быть у Залемана, у которого хотел быть Орлов, чтобы переговорить об учителе на фортепьяно для сына. Пошли вместе, — дождик. Он к Залеману, я за фуражкой и сменить книги — там Ол. Як., который сказал, что 25-го срок билета его кончается, поэтому чтобы сдать к этому времени книги. Сказал об этом Вас. Петр., чтобы «Гамлета» приготовил. Зашел к Залеману, глупость, завтрак; пережидали дождя, не могли, пошли вместе с Вас. Петр. обедать, посидели несколько, и к Вольфу. — Были прения 10-го и 11-го о Риме, когда демократические журналы взывали к оружию. Оттуда в 9 [час.] воротился к Ал. Фед., стал пить чай один и просматривать VI том с новыми чернилами, которыми пишу это. Кончил весьма скоро, часа 4, я думаю, или менее.

Четверг, 9-го [июня]. — Пришел Вас. Петр. и мы отправились на дачу. Пришла Марья, говорит — Любинька не в себе; уговариваю ее, — в самом деле, глаза странные; был доктор через несколько времени, ничего не сказал; после обеда сделались сильные припадки, вроде падучей болезни, как у Егорушки, и вместе с этим вроде истерики, кричала, становилась на колени и т. д.; более всего повторяла «Христа, Христа» и т. д. Мне было неприятно, что Вас. Петр. попал в такое время, и к тому же шел дождь; я заставил его надеть галоши свои и сапоги, сам пошел с ним в аптеку, где купил на 50 к. сер. слабительных порошков, деньги были мои — вообще в эти дни у Ив. Гр. деньги все вышли и я должен был истратить все свои, так что когда ныне ворочался, то нашел у себя только 3 коп. сер. в кармане, да на столе 45 к. сер., которые не знаю, брать или нет. Вас. Петр. был тронут; мне было более смешно, что такая чинная, чванная женщина делает такие штуки — становится на колени, бегают и т. д.; я думал, что это кончится легкою горячкою. Когда ушел Вас. Петр., я принялся писать и устраивать дверь в сени, чтобы Любинька не могла убежать.

10-го [июня], пятница. — Провел дома, читая, переписывая и т. д. Да, в воскресенье или понедельник начал было писать эпизод из жизни Гете (любовь к Лили) под названием «Пониманье».

11-го [июня]. — В субботу утром зашел сначала к Славинскому, у него несколько посидел; он хотел купить какой-нибудь очень хороший атлас, это было бы хорошо. Я отнес ему 2 или 3 части Гизо. Шел дождь. Я взял у Ал. Ф. том Собрания законов (а другой был у меня), пошел в Сенат — присутствия нет, и я должен был отнести их в университет, Савельичу, который принял, отнекиваясь. Оттуда к Вольфу, где [читал газеты] до 13 числа и депешу, что все спокойно. Сердце несколько билось, но не так, как в январе и ноябре. Оттуда в 6 ч. к Вас. Петр., откуда в 8 ч. к Ив. Вас., у которого хотел ночевать, — нет дома; я пошел, сам не зная куда: домой, к Ал. Фед. или Ол. Як. — Вас. Петр. сказал, чтоб я остался здесь, я хотел идти домой; он проводил до пристани и простился, я снова с ним почти до Симеоновского моста, и говорили мы, говорили так, как почти никогда не говорили, изла-

гая свои понятия о характерах своих «я» друг другу. Он говорил о своих отношениях к Над. Егоровне. Дело началось так: переходя по камням мимо Симеоновской церкви, он сказал: «Как досадно, когда толкуешь, толкуешь, а никак не можешь вбить в голову людям». Я сказал: «О ком вы это говорите?» — «Да хотя бы о Наде». Я стал защищать, как обыкновенно, наконец, сказал: «Если уж так говорить, то и вы сами отчасти виноваты в том, что она не развивается». И стал говорить: «К чему этот цинизм в выражениях о себе при ней? В самом деле, мне это не нравится»: «Стану ходить так-то (в Плюшкинском халате и т. д.)». — Он стал говорить, что иначе нельзя, и т. д. Мы друг друга мало понимали, т. е. я знаю, что он понимал не так, как я хотел сказать ему; должно быть и я его не так, как хотел сказать он; и он стал говорить о том, что главное это, конечно, оттого, что охоты нет, а охоты в нем нет почти ни к чему и т. д. Говорил много похожего на то, как я думаю о себе в этом отношении. Я сказал, что если это так, [то и] я так о себе думаю. Он стал говорить, что это неправда. Я сказал, что что он говорит о себе, то неправда, что это только так, при этих обстоятельствах он сдавлен, а ждет только первой возможности вырваться из них и почувствовать снова и охоту, и привязанность ко многому. Говорил я во всяком случае весьма откровенно, так много, как нельзя более, хотя, конечно, не все: ничего не сказал о том, что теперь у меня своя мысль — женитьба и *perpetuum mobile*, хотя последнее он знает и первое знает в общих чертах, да должно быть и в частности почти все знает. Он сказал, что слишком мало чувствует охоты и говорить о чем бы то ни было, хотя бы это даже и занимало его самого, например, о литературе, политике. Я сказал, что почти не имею охоты никогда слушать, но говорить еще [не] отстал от охоты.

Итак, почти в 11 поехал через Неву; со мною ехал какой-то человек с книжками «Записок Географического Общества»¹⁵⁵, заговорил о нем и сказал, что Голубков предлагает 20 000 руб. на перевод Риттера; странно, как мало кажется это нашим господам, мне кажется — довольно. У нас спали. В воскресенье я читал и писал несколько [из] Собрания законов. Любимка лежала без памяти. Вечером были Анна Дмитриевна и Александр Федорович, я проводил их отсюда, после зашел в парк, где была музыка, но кончилось, и все разошлись.

13-го [июня], понедельник. — Иван Григ. снова не пошел в Сенат, а мне дал письмо к Врангелю и Мих. Павл., в котором просил денег. Хорошо, я зашел в Сенат, нашел там Гедду, но не было Врангеля. Я в университет, взял книги, пошел. Врангель попался, я сказал ему и отдал письмо. Ильина (которого, как мне показались, фамилия Попов) не было, ушел. Я книги оставил, сам к Вольфу. В последние оба раза вместо булки его пил кофе с 5-копеечным калачом, в последний раз не таясь. Оттуда к Славинскому, с которым толковал охотно о его апатии. Он говорил так, как будто не слишком чужд мысли о самоубийстве; я отклонял его и как сред-

ство привязаться к жизни советовал влюбиться, а для этого верное средство бывать в обществе. Я говорил с охотою, потому что, собственно, это говорил советы ему, а высказывал то, что мне самому хочется, чтобы со мною было.

Оттуда к Вольфу, прочитал, чем кончилось восстание¹⁵⁶: Ледрю Роллен, Консидеран, Voichot, Rattier и т. д. отданы под суд; этого я не ждал, я думал, не посмеют до Ледрю Роллена. Он поспекал в Лион; не знаю, удастся ли это восстание, скорее нет, но это все равно, он уйдет, здесь пойдет реакция быстро и через год будет у нас антиреакция, и власть шутя не удержится и у Ледрю Роллена, а перейдет к Луи Блану или Распайлю. Ну, да политические свои мнения и ощущения изложу в другой раз, а теперь только скажу, что, конечно, грустно, но так вообще, а не то чтобы мучился неуспехом восстания 13 июня, — ведь это только откладывается дело и, может быть, через реакцию еще быстрее будет торжество, чем без реакции. Все-таки интересно несколько знать, подавят ли Лион. Эх, если б с альпийскою армиею Ледрю Роллен пошел на Париж — и война против нас, Германия к Франции приступила б, и нас назад, — эх, это бы хорошо! Но это я так говорю, ничего этого не будет теперь, кажется, но и этого снова не знаю, потому что не знаю духа народа во Франции, — а жаль Рима — подлецы¹⁵⁷. — Это известия до 15 числа.

Оттуда к Вас. Петр., взял Собрание [законов], т. XVII, вечером к Ив. Вас. вместе с Вас. Петр., напились чаю; ночевал прекрасно и в этот вечер и особенно утром просмотрел этот том. Утром вошла убирать немочка, племянница. Мне было не хотелось быть в шубочке Ив. Вас., — но она нехороша, т.-е. нехороша, весьма нехороша нижняя часть лица, когда смотреть в профиль, и поэтому ничего, но все-таки не хотелось бы, потому что мне хотелось бы уважать женщину и не заставлять ее думать, что я не учтив или вообще вроде циника (т.-е. как циник господин перед рабом, барин перед кухаркою) перед ними. Когда кончила почти, пришел Вас. Петр. В Сенате насилиу нашел Ильина, взял XIX—XXI томы, XIX взял с собою; на дороге толковал с Вас. Петр., который звал к себе, я не пошел. Он отнес книги к тестю, потому что я не хотел, чтоб он нес два тома. Когда перекопались, догнал Константин Иванович Черняев, такой веселый, милый, покричал несколько. Он хотел заехать за мною в четверг, когда поедет на дачу. Итак, простился с Вас. Петр. и домой, — это было во вторник, 14-го. Любиньке уже несколько лучше. Я вечером не спал, а писал и написал более половины XIX тома; думал, что если кончу в среду, буду в Петербурге, чтобы сменить книги, но знал, что не кончу, да и не сильно хотелось сменить.

15 июня. — Утром большою частью писал из Собрания законов. Вечером ходил в парк Лесного Корпуса, где видел Сидонского, Плетнева с женой и дочерей Павского (которых, впрочем, собственно не видел). Когда шел оттуда, меня догнал Ив. Гр. Я спросил его, что доктор говорил о Любиньке. Он отвечал, что теперь со-

вершенно ничего, через несколько дней она совершенно поправится, что это было от прилива крови и теперь ее можно считать почти выздоровевшею, т.-е. нельзя сомневаться, что болезнь миновалась. Завтра жду Черняева, который хотел заехать за мною, чтобы вместе быть в Мурине. В пятницу непременно должен быть в городе. Я думаю, придется и ночевать там у Ал. Фед. или Ив. Вас.

Глупости. Суета суетствий, всяческая суета...

(Писано это 25-го.) В субботу вечером не мог хорошенько рассказать всего в порядке, поэтому сделаю общий очерк и важные события.

Половину времени пробыл в городе, все писал; другую половину — дома, снова писал. Обедая раз у Вас. Петр., в другой раз у Славинского, остальные разы не обедал, а у Вольфа съедал калач пятикопеечный. Ночевал обыкновенно у Ал. Фед. Около 18 числа я был у Вас. Петр. вечером. Когда Над. Ег. хотела идти к своим, он все не шел и, одним словом, вел дело так, что рассердил меня. Пошел вместе со мною, но воротился, чтобы не слишком огорчать ее. Дорогою оправдывался, я молчал. На другой день пришел к нему с книгами или за книгою, он стал приставать, — обедал ли я. Я был голоден, а вчера еще рассердился, и когда он пошел со мной, я более молчал, был ужасно не в духе, а когда пришел к Ал. Фед., долго молчал; наконец я, собственно, чтоб рассердить Вас. Петр. почти, завел спор о том, что он говорит неправильно «то», напр., хоть так: «Я эту книгу не читал, я-то хотел, да скучно». Он, как я и ожидал, стал спорить. Я не вел вперед спора, а только поддерживал его. Он ушел при Ал. Фед., когда после Ал. Фед. ушел, я тоже, — к Вольфу; оттуда пришел, — пришел Чернявский, после Лилиэнфельд, которого мне было несколько приятно видеть, и снова начал спорить с ним, более всего о браке, положении женщины. Я говорил в духе ультра Жорж Занд, но он в самом деле отстал и теперь думает, как говорит: «Назначение женщины любовь, между тем как назначение мужчины — между прочим и любовь». Просидел до половины 1-го, и я думал, я так ему надоел, как и Ал. Фед.-чу (последнему несомненно, я думаю), хотя и от него зависело поддерживать разговор и более от него, чем от меня.

Ходил раз как-то (должно быть, 12-го в воскресенье, а может быть и нет) прогуливаться в сад Лесного института, собственно затем, чтобы посмотреть на женщин, а между прочим и затем, не увижу ли Никитенку и не заговорит ли он со мною. Ни того, ни другого, не видел Плетнева с женою, которую не успел рассмотреть, а рассмотрел только ныне; ныне же видел и Никитенку. Он не заговорил со мною, — это на меня не произвело почти никакого впечатления, но только почти, потому что некоторое произвело. Да вот как это было. Вас. Петр. не пошел проводить Надежду Егор. в пятницу или в четверг, не знаю уж, только так, потому что на другой день, когда я голодный пришел к нему, я был расстроен, между прочим, и тем, что был у Панае-

ва — а я был у него, кажется, в субботу, 18-го, — да, так, в субботу, — нашел, почему: это потому, что в контору я заходил узнать, наконец, о своей статье, которую думал получить назад. Мне сказали — «справьтесь в редакции», вот теперь я собрался почти через две недели, а может быть, и более, может быть, и менее. Он сказал, что спросит у Некрасова и приготовит ответ; обошелся, разумеется, без невежливостей, но так небрежно, что я не то что оскорбился, потому что особенно оскорбительного ничего не было, а ужасно как-то неприятно. Вот в субботу-то я и толковал с Вас. Петр. о грамматике и, признаюсь, Schadenfreude* какая-то была у меня, когда он занялся этим вздором: «Вот ты умнее других, а все-[таки] и ты такой же, как другие, все-таки тебя можно заставить быть не умнее других». — Итак, я оттуда пошел в воскресенье 19-го поздно, в 4 часа, потому что дописывал книги у Ал. Фед., пошел и думал зайти к Славинскому; зашел, потому что пошел дождь; принужден был посидеть до 6 [час.] и снова был скучен и весьма не в духе (может быть, даже отчасти этому содействовали и известия об окончательном уничтожении 13 июня и бегстве Ледрю Роллена и т. д., только едва ли, — я как-то холодно принял эти известия); оставил у него «Отечественные записки», но вместо того взял Хрестоматию Курца, которую дали ему в награду в гимназии и которую я видел у него во время прошлой вакации. Это хорошо. Как пришел, начал читать, и воскресенье прошло большею частью в том, что читал это и «Отеч. записки», и главное, что я читал, был «Nathan der Weise»¹⁵⁸ — хорошо, только после напишу о впечатлении, какое производят на меня эти разговоры или эта драматическая форма в части своих произведений, а теперь иду ужинать, по моим часам ровно 11. Теперь дописал до того времени, которое я очень хорошо и твердо знаю в хронологическом порядке. Итак, до следующего раза. Вот я все небрежнее и небрежнее становлюсь со своим дневником.

20-го [июня], понедельник. — Не знаю, что я делал, должно быть, читал «Отеч. записки» и писал что-нибудь для Булычева (да, пишу я 29-го в среду в 50 минут 4-го часа, нет — после).

21-го [июня]. — Отнес «Отеч. записки» и «Гамлета» (за которого опасался, потому что он не в переплете, а другой экземпляр, купленный Вас. Петр., потому что прежний потерялся) Крашенинникову. Оттуда пошел к Вольфу, оттуда к Вас. Петровичу. В это время до следующего вторника я все более всего писал и переписывал для Булычева и переписал довольно много, но вдруг, зайдя к нему, услышал от швейцара, что его переводят в Москву. После видел его в Сенате; он сказал, чтобы я виделся с Срезневским. Я думал, что дело решительно расстраивается. Что делать? Кажется, говорю себе, единственное средство подерживать Вас. Петр. — это писать в журналы. Хорошо. Доби-

* Злорадство.

сал до 25 тома и переписал все это, отнес эти книги, но новых не взял, потому что дожидаясь, что скажет Булычев мне через Срезневского. Я надеялся получить от Булычева денег, которые нужны Вас. Петр. Итак, все писал. Но вечером в воскресенье ходил снова в парк, собственно, чтобы видеть Никитенку (и не видел его) и женщин, — также не видел таких, которые бы того стоили. Переписано было к утру понедельника до половины XXIV тома. Поверять пришел в университет, где встретил Дмитриева, который сказал, когда я выходил и встретил его на крыльце, чтобы я зашел на выставку. Я пошел, чтобы от нечего делать, а между тем мало-по-малу завлекся смотрением на женщин, так что пробыл там более двух часов, с часу до трех. Обошел в первый раз, но должен был воротиться к входу за книгою «Отеч. записок», которую нес Вас. Петр., и тетрадью выписок к входу, и снова пошел, собственно чтоб смотреть на женщин. Когда я был около того места, где были разложенные жестяные вещи, статуэтки и т. д., — это так — нет, не умею сделать плана (иду обедать).

Продолжаю после обеда, выпавшись. — Наконец, в том месте, где были разложены хромолитографии с той стороны (весьма плохие), с другой — подносы жестяные, клеенки, статуэтки, в том месте, где оканчивалась первая двойная галерея и начинается особая комната с великолепными стеклянными, фарфоровыми, бронзовыми вещами (из которой ход вверх), я увидел одну девушку, весьма еще молоденькую, должно быть, 16-ти, может быть несколько даже менее, лет: довольно высокого роста, по крайней мере, много выше Над. Ег., тонкая, весьма стройная, весьма белое лицо, глаза прекрасные, черты чрезвычайно правильные, умные, несравненно лучше всего, что было тут. Она была с матерью или теткою, они шли весьма медленно, останавливались смотреть на все; она мало смотрела, потому что в самом деле смотреть было не на что, — это уже весьма много говорило в ее пользу, — равнодушно шла за ними без всякого кокетства; одним словом, мне показалась весьма хороша и я пошел вслед за нею, то немного опережая, то немного отставая, и совестясь, чтоб она не заметила, и краснея в душе перед нею, а может быть и так. Это продолжалось сажен 10—15 и, я думаю, минут 5 или несколько более. У этих хромолитографий они дошли к тому месту, где стоял я, и она стала почти возле меня, но на меня не обратила никакого внимания, как и вообще шла весьма просто, не церемонясь и не кокетничая, одним словом, мне весьма нравилась и я бог знает сколько времени готов бы был ходить вслед за ними; но я, перегнав их, перешел в следующую комнату и стал ждать их, — они не входят; я долго ждал, наконец, хотел выйти снова в первую галерею, — мне сказали, что нельзя. Я снова остался ждать их. Долго я стоял и ждал тут, я думаю, больше четверти часа, но не понимаю, каким образом я пропустил их, или они воротились назад; и я наконец пошел, чтобы выйти, и когда вышел, пошел к Вольфу. Я весьма жалел, что ушел так, не взглянувши в по-

следний раз, не наглядевшись досыта от своей неловкости, глупости или от нерешительности, — должно было, несмотря на сторожа, выйти вон и посмотреть, что с ними, куда они делись. Оттуда к Вас. Петр., от которого в 10 [час.] пришел домой.

28 [июня], вторник. — Должно было отнести письмо, и так как Ив. Гр. не пошел, но должен был идти я, пошел новою дорогою, направо от дома, сзади мыс *. Переходя тут ручеек, нагнулся пить и потерял наконецник ножен шпаги; воротился искать, — мужик подал. Я сказал, чтоб он пошел со мною до города, где я разменяю свой целковый, который взял у Любиньки. Шли, стали говорить, я стал вливать революционные понятия в него, расспрашивал, как они живут, — весьма глупо вел себя, т.-е. не по принципу или по намерению, а по исполнению, ну, что делать? Переехали мы вместе; у меня болели зубы, я купил табак, зашел вычистить к Ал. Фед., в 2½ отсюда и около 4 был снова дома. Стали обедать, пришел Вас. Петр., просидел до 9. Когда я пошел проводить, спросил 2 р. сер. У меня от рубля оставалось только 54 к. сер., я ему все отдал, не оставив себе даже чем заплатить за переезд, и сказал, что принесу еще завтра или в четверг утром.

Среда, 29-го [июня]. — Читал «Современник» и т. д. и писал, и дописал для Булычева. Шел все дождь, к 5 [часам] унялся, я и пошел в город через Воскресенский мост к Славинскому, у которого просидел до 9 [час.] и надоел ему. Пошел к Ал. Фед. и у него дописал. После лег спать; его не было. Ночью я горевал, что если не будет, как я буду с Вас. Петр. Пришел, к моему счастью, я взял 6 р. сер. — 3 для Вас. Петр., 3 р. для того, чтобы на один [рубль] съездить в Царское увидеться с Срезневским, другой отдать Любиньке. — Итак, в 9¼ вышел, в 10 был у Срезневского, у которого просидел вместе с Дмитриевым около 20 минут. Говорил он о политике. Булычев заезжал к нему на дороге, сказал, что он думает возвратиться сюда, поэтому хотел продолжать. Срезневский напишет ему, получит от него ответ, который должен быть с деньгами. «До того времени, — говорит, — продолжайте исподволь это». Оттуда к Вас. Петр., которому отнес [за] 10—24 июня «Débats», через несколько минут встал и ушел, сказавши про Булычева; чтоб отдать 3 р., должен был вызвать его, — так глупо. Оттуда к Вольфу, чтоб отдать 20 к., которые был должен, и, конечно, должен был взять еще, так из 3 руб. осталось у меня только 42 к., потому что, чтобы разменять для точной отдачи Любиньке 2 р. 15 к., которые я ей был должен, я купил на 3 к. сер. хлеба белого и съел дороною. Теперь снова хочется на выставку, чтобы снова смотреть хорошеньких, и перед глазами та девушка, — чтобы увидеть подобных ей, т.-е. таких же милых, как она. У Вольфа просидел до 4 [часов]. Сидел в последний раз надолго, как думал, потому что, для того чтобы сберечь вообще все деньги для Вас. Петр., решил не ходить туда, —

* Неразборчиво. *Ред.*

во всяком случае до того времени, когда будет снова довольно много денег, что будет не раньше, как через месяц или полтора; но теперь, когда подумал, что не буду знать новостей, как-то тяжело. Воротился домой в 6 час. и так как целых 3 дня сряду каждый день ходил в город, устал-таки весьма, т.-е. в икрах усталость и почти весь вечер спал, так что не ужинал, т.-е. я воротился в четверг 30 (это все писано 1 июля в 5 час.).

Июль месяц

1 [июля]. — Вот остается только уже 12 дней до моего рождения. Решил вести журнал с большою правильностью. Срезневский приглашал к себе, поэтому я завтра условился быть вместе с Дмитриевым в библиотеке и поехать вместе, когда будет можно. В библиотеке стал делать выписки, после в Сенат, взять новых книг, если будет можно, скорее нельзя, если нет — на выставку; если возьму, — у Ал. Фед. просмотрю несколько, может быть, обе, которые возьму. Переезжать буду экономно, как и сделал в последние разы, т.-е. дожидаясь, чтоб не платить более одной копейки сер., совестно раньше было, а теперь ничего, решительно ничего. Ныне утром почти два часа переписывал список членов Национального Собрания французского на особый листок. Читал Беккера X том и несколько Курца, после обеда спал до 5 час., после стал писать это.

После обеда почти все время провел в различных пробах того, как удобнее составлять словарь к Нестору.

(Писано 3 [июля] в 11 ровно вечера.) Наконец-таки выбрал, как писать словарь к Нестору; писал несколько; лег в 12 — не спится, не спал до 3 или более, отчасти писал Нестора (которого написал около 80 строк с 6 стран.), отчасти читал Курца, которого дочитал до Гете, которого начал несколько читать. Нехорошо, когда не спится; это тем более было неприятно, что решился на другой день быть в библиотеке и вот знал, что встану поздно.

2-го [июля], суббота. — Проснулся в 10, пошел в 11 в университет, пришел в час, до 2 просидел, с Дмитриевым так и не говорил, ждал, чтобы сам заговорил о поездке, а то что накуивать. Оттуда на выставку, где не было ни одной девушки хорошенькой; за одной, правда, ходил, но дрянь. Оттуда в более чем 3 [часа] к Вольфу: так не терпится, хоть думал не быть. — Рим взят. В пять [час.] к Вас. Петр.; на дороге пошел дождь, а я ужасно захотел есть, купил на 3 коп. белого хлеба, дорогой съел, ничего. В 6 или более несколько от него; занес несколько листков «Débats», которые прочитал он, к Славинскому, собственно потому, что не хотелось, чтобы они мешали мне писать словарь, «Современник» — Ал. Фед., домой, где писал, но рано лег.

3-го [июля], воскресенье. — Встал в 10 почти, кажется весь день писал до 8 вечера и написал до (написавши 15 страниц, которые были переворочены) половины 4 строки 15-й страницы, всего около 400 строк, и в 8 час. в парк, чтоб встретить Ники-

тенку. Встретил раз и не успел даже поклониться; он тотчас, должно быть, ушел, потому что более не видел его, поэтому несколько неприятно. Когда шел оттуда мимо здания корпуса, пришло в голову, что ведь цифры (строка и страница) можно не писать, а сделать для этого из дерева буквы типографские, это будет короче, потому что тогда буду только печатать вместо того, чтоб писать. Пришел и вздумал, что можно купить их лучше или взять у Ол. Як., поэтому завтра должен быть в городе. Пришел домой, стал делать их, сначала 8 из дерева, после из свинца, — свинец не держит чернил как следует, — после снова из дерева. Если нельзя будет достать настоящих букв или те не станут печатать, можно будет сделать. Теперь остается работы списать, чтоб до того места, где начал словарь в прошлом году (69 страница, княжение Изяслава), 1800 стр., ровно 60 часов работы. Решил, что к воскресенью следующему будет списано; теперь решил, что спишу до 400 строк — полторы строки недостает, поэтому снова несколько попишу (половина 12-го). Почти половина 12-го; дописал до 7-й строки, разлиневавши новый лист, и, следовательно, теперь 298 плюс 97 плюс 7 равняется 402 строки (то было $\frac{1}{3}$ пятой, а не 4-й строки). Эти дни читал более Беккера и ныне 14-ю часть его сначала, дочитал почти до 70-й стран. и теперь буду читать его снова. Ложусь.

(Писано 4 июля, в 11 вечера.) Ночью вставал и — как это на даче делал уже, должно быть, два раза, — опять-таки пошел за своим подлым, негодным делом. Анна лежала к стене и была совершенно закрыта, ноги были совершенно также закрыты, поэтому я должен был на руках повиснуть над нею и уже спускался вниз всем телом, как Марья проснулась и сказала в просонках: «Анна! Анна!» Я вышел, но неловко и с некоторым шумом и убежал, ужасно перепугавшись. Мне казалось, что непременно она заметила, что это такое значит и что это был я, но, прислушавшись, я увидел, что она не просыпалась; однако, несмотря на это, все утро был в самом тоскливом духе и теперь, едва разделся — дал зарок, больше от страха, чем из чистых побуждений, которые, однако, всегда есть у меня в этом отношении, никогда больше этого не делать, и при этом перекрестился. Не знаю, удастся ли. Дай бог!

Пошел в город, более за буквами, чем за письмом. В библиотеке читал Эрша Philosophie, а сначала Daniel; первую статью должен дочитать в другой раз. Туда и оттуда идя, встретил Петра Ив. Черняева. Оттуда пошел к Ол. Як., его не было, поэтому к Вангеберу*, у которого на 50 к. сер., которые одни у меня были, купил 15 цифр. Идя оттуда, встретил Пелопидова, который позвал в Академию, — неловко было не идти; после нельзя было не позвать его, поэтому пригласил, он просидел до 9. При нем пробова я печатать и выходило хорошо. При нем сделал и чернила

* Неразборчиво. Ред.

из масла (горчичного) и сажи. После него все делал ручку, в которую вкладывать, теперь пробовал (15 страница, строки 8—11), и выходит скверно и медленно, так что должно будет бросить, а день потерял, но ничего, более буду делать завтра.

5 июля, ровно 11 час. вечера, вторник. — Утром шел большой дождь. Ив. Гр., который объявил вчера, что отнесет письмо ныне, сказал, что он не пойдет. Я пошел отнести его почти без неудовольствия; вздумал купить цветных чернил или карандашей, чтобы с помощью их отмечать (линяя) страницы и строки. Пошел в пальто старом и фуражке; переезжая, толковал с солдатом. Когда шел по Морской, мне показалось, что кто-то с другой стороны кричит мне, — я несколько вспыхнул за свой наряд и пошел далее, не видел, звал ли кто в самом деле, или показалось. Купил красных и синих чернил по 15 к. флакончик и бумаги полдести за 25 к. Взял у Любинки рубль сер. Пришел, стал пробовать чернила, думал перемешивать их, так, чтоб вышло 5 из 3 (черные, красные, синие, синие с красными, красные с черными), но смесь вышла такая, что не разберешь, поэтому оставил и стал придумывать, как обойтись только с тремя родами и, наконец, придумал. Сначала показалось, что времени этим не выиграешь, теперь кажется — выиграешь, и с 3 или $3\frac{1}{2}$ все писал один лист и разграфил на страницы и линейки; после писал так, а разграфлю после все вместе, написал до 23-й страницы $26\frac{1}{2}$ строки, — следовательно, всего (начал с 16) около 240 строк. Остается теперь до начала прежнего словаря 1 550 строк. Завтра хочу непременно списать столько, чтоб осталось только 1 000 строк, т.е. до конца 39-й страницы. Теперь ложусь. Читал Беккера начало 14-й части. Думал о Вас. Петр. несколько, думал и [о] всем другом, о чем обыкновенно, и хоть не слишком грустно было, но не без того, главное от двух причин: 1) у Вас. Петр. нет денег и 2) не поехал к своим.

6-го, среда (писано в 12 ч. 8 м. вечера). — Так и дописал, как хотелось, даже несколько более, чтоб кончить лист; писал, почти не вставая с места; успел дописать до (кончил) 10-й строки 40-й страницы; следовательно, списал теперь я 1 051 плюс 219 плюс 10 строк равняется 1 280; осталось 954, т.е. $\frac{3}{7}$, а списано $\frac{4}{7}$. Тосковал несколько снова о том, о чем и вчера, так что думал, когда взглянул на конец того, что это писано ныне. — Снова стало сжиматься сердце. Не от образа ли занятия это, или от времени года? Ложусь. Завтра, если порядочная погода, пойду к Вас. Петр.

7-го [июля], четверг. — Поутру все время писал и думал после обеда (это писано тотчас после обеда) сходить в город, чтобы воротиться ныне же. До обеда написал [до] 24 строки 46-й страницы, т.е. около 214 строк. Теперь идет мелкий дождь и, кажется, идти будет нельзя; не знаю как. — Половина 3-го.

(Писано в субботу в 1 ч. 5 м. До того, как начал снова писать по 8 столбцов, ровно 24 000 слов выходит.)

(Писано в воскресенье, в 10 ч. 25 м. вечера.) Пошел-таки в город, хотя не совершенно еще просохло, к Вас. Петр., — ничего. Туда пришел Ив. Вас., и мы пошли с ним. Я хотел домой, потому что торопился кончить, что начал, но вместе хотелось узнать, и когда можно видеть здесь Срезневского, чтоб не тратить целкового. На дороге встретился Ал. Фед. Мы пошли все по дороге к нему. Я хотел домой, однако он просил, чтоб я остался, и я остался; пошел к Иванову, а он в баню. У Иванова предубеждения против него рассеялись и буду снова бывать у него, если буду только бывать скоро в кондитерских; выпил чаю там. Проговорили до 3 почти часов; я не с удовольствием и сначала несколько хотелось спать, но нечего было делать. Утром к Срезневскому — бывает он здесь в четверг — это дурно, почему не пошел утром накануне? Скверно, неделя проходит так. Итак —

8-го [июля], пятница. — От Срезневского хотел пойти к Панаеву, однако не пошел, собственно потому, что знаю почти наверное, что или нет ответа, или получу назад статью, не стоит. В «Современнике» начали печатать *Wahrheit und Dichtung Göthe* ¹⁵⁹ и теперь почти нечего уже писать эпизод его и Лили любви. Пришел домой к обеду, до 7 спал, после писал; после ходил к Филиппову, которого не застал дома.

9-го [июля], суббота. — Все утро до 7 часов писал. С 2 до 3 был Филиппов, говорил несколько анекдотов (конечно, большею частью похабных). Вечером пошел в сад, где, сказал Филиппов, будет музыка. Нет ее и никого. Воротился, хотелось на двор, но играли дети хозяйки и неловко, поэтому я пошел в кусты, которые за домом, и сделал там. Потом занялся ящерицею, которая там [была] в луже, вдруг кричит мне Марья. Я думал, что верно потому, что пришел Ал. Фед.; думал, не случилось ли чего с Любинькою снова, пошел. Когда стал выходить из кустов, на балконе избушки (хозяйской, должно быть) стоял какой-то мужчина и, думая, что я там нагадил, стал ругать (сказал — «мерзавец»); я плюнул, сказал — «тьфу ты, дурачина» и ушел. — Почему не стал ругаться, не прижал его? Отчасти потому, что спешил домой, отчасти потому, что не хотелось, а отчасти, кажется, и потому, что струсил, или, лучше, по своей обычной робости, бояливости, подлости; но решился после воротиться и разделаться с ним, т.-е. думал, что может быть придется и поколотить, но тут в воображении явилось университетское начальство, а причиною смущения было отчасти то, что мне вздумалось, что затем Марья звала меня, что это он велел ей вызвать меня. Тогда я хотел спросить ее и если так — воротиться в комнаты к нему и разделаться. Пришел — она говорит: «Ал. Фед. пришел». Я вошел, ничего не сказал ему, все-таки тосковал, что обида остается так, и думал все идти. Однако, не пошел. Он остался ночевать; мы ходили гулять с ним в поле; я тосковал об этой обиде, — главное, что это может разнестись, что я не разделаюсь, что я позволяю бранить себя.

10-го [июля], воскресенье. — В 11 [ч.] утра Алекс. Фед. ушел. Я дописал Нестора (оставалось только 30 или 35 строк) и начал разлиnevывать несколько до обеда, несколько после обеда (более) и вместе придумывал извинение перед собою (хотя решительно этому не верю) и главное перед другими, в случае, если узнают, что меня ругали: я думал, скажу, что он пьян, поэтому не стал связываться. Но это неприятно действовало на меня, т.-е. мое поведение: я показался себе подлецом, трусом, робким, боязливым, ужасно скверно поступил. После обеда после чаю пошел в парк и в Беклешов сад, где была музыка. Одна, как мне показалось, встретилаcь весьма хорошенькая, почти такая, как на той выставке, но только мельком, и в другой раз я ее уже не встретил; это было в парке; там пробыл я от 7½ до 10 почти отчасти с Филипповым. Ждал Ол. Як.; разлиnevвал около должно быть 15 страниц, так что теперь остается всего $11 \times 24 + 9 \times 8 = 264 + 72 = 336$ столбцов, из $74 \times 8 = 592$. Разлиновка выходит довольно хорошо, но у меня к ней как-то не лежит сердце, как-то выходит слишком безобразно. Несколько читал Курца (Рюккерта *Seinen Traum Lied wob, Frühling kaum Wind schob*, и т. д. Весьма понравилось, так что списал на задней стороне разграфки). Завтра схожу за письмом, зайду может быть к Вас. Петр.

55 м. 11-го. Ложусь.

Вот всего два дня только до моего рождения, т.-е. только один день. Тогда начну новую тетрадь. Что-то будет в тот год — в этом году я только более и более запутывался.

11 июля 1849 г., 10 ч. 28 м. вечера. — Утром пошел за письмом; надел старые брюки и сапоги, отчасти для экономии, отчасти чтоб не зайти никуда, и не надел шпаги. Чтоб не зайти к Вас. Петр., пошел по новой дороге, налево из калитки, по той, которая идет как бы на Смольный, вышел к Арсеналу, — дальше той дороги, по которой ходил обыкновенно. В университете 25 р. денег и письмо от Сашеньки. Не знаю, что писать; повторяю, должно быть, что написал раньше. Дай бог, чтобы он приехал сюда, мне кажется, это было бы лучше. Так как деньги, то должен был к Вас. Петр. Если только мне прислано, думал я, утаю от Терсинских это письмо; деньги — Вас. Петр., отдавши Ал. Фед., что должен. Нет: ей 15, мне только 10 руб. Хотел не разменивать, но зашел к Вольфу и выпил кофе, чтоб разменять, посидел там более 3 часов, почти до 4, после пошел к Вас. Петр., от него в 5 к Ал. Фед., у которого посидел с час, а после, когда он уж пришел, он проводил меня до пристани. Я проездил 2 к. сер. — одну в университет от дворца, другую сюда от Гагаринской пристани. Ему отдал 9 р. сер. Когда сидел у Ал. Фед., говорили обо мне, тоже когда шли. Когда пришел, несколько времени разлиnevывал. Ив. Гр. сказал, что умер Пластов — дай бог ему царства небесного! Я перекрестился, и жаль умом, но на сердце никакого впечатления — даже не знаю, кажется, не пойду

завтра, чтоб узнать, когда его будут хоронить. Верно, завтра же. Прекрасный был человек. Умер от холеры. Вот и теперь уже несколько товарищей моих по семинарии умерло, а каково-то будет в старости слышать: тот умер, тот умер. Папенька пишет в письме, чтоб я встретил свой день рождения молитвою — без этого напоминания я и не подумал бы о ней, да и теперь едва ли буду в церкви, а следовало бы пойти в город за этим и чтоб присутствовать при похоронах Пластова, бедного моего Павла Николаевича.

Так вот чем заключается этот первый год — известием о смерти близкого ко мне человека! И который был гораздо здоровее меня! Дай бог ему царства небесного! Дай бог! Он был человек добрый, хороший и его заслуживал. Хотя и называли его кутилою, но это по моему мнению несправедливо.

Должен написать что-нибудь о своих мнениях и отношениях.

1. Религия. Ничего не знаю; по привычке, т.-е. по сросшимся с жизнью понятиям, верую в бога и в важных случаях молюсь ему, но по убеждению ли это? — бог знает. Одним словом, я даже не могу сказать, убежден я или [нет] в существовании личного бога, или скорее принимаю его, как пантеисты, или Гегель, или лучше — Фейербах. В бессмертие личное снова трудно сказать, верю ли, — скорее нет, а скорее, как Гегель, верю в слияние моего я с абсолютною субстанциею, из которой оно вышло, сознание тождества я моего и ее останется более или менее ясно, смотря по достоинству моего я.

2. Политика. а) Теория — красный республиканец и социалист; более приверженец попрежнему (более по преданию* и привычке, но нет — кажется, и по сочувствию) Луи Блана; если бы мне теперь власть в руки, тотчас провозгласил бы освобождение крестьян, распустил более половины войска, если не сейчас, то весьма скоро, ограничил бы как можно более власть административную и вообще правительственную, особенно мелких лиц (т.-е. провинциальных и уездных), как можно более просвещения, учения, школ. Едва ли бы не постарался дать политические права женщинам.

б) Практика — друг венгров, желаю поражения там русских и для этого готов был бы многим пожертвовать.

3. Наука. — Занимаюсь Нестором, более ничего не делаю; машину свою хочу пробовать в искаженном хотя, т.-е. в упрощенном самом виде.

4. Литература. Теперь ничего нет в голове; поклоняюсь Лермонтову, Гоголю, Жоржу Занду более всего.

Отношения: к Вас. Петр. все прежние. На Над. Ег. смотрю как на обыкновенную, добрую, простую женщину, которая в иных случаях, т.-е. почти постоянно, слишком мало образована и слишком не в образованном обществе жила. К Терсинским решительно

* Неразборчиво. Ред.

миролюбив, кроток, нет и тени прежней вражды; Ивана Григорьевича жаль, что так мало имеет денег; совестно, что обкрадываю их, как и раньше было совестно.

Мысли: машина; переворот. Что касается собственно до меня — более всего, несравненно более всего, женитьба, любовь, иначе сказать — я хотел бы, чтоб у меня любовь была единственная, чтоб ни одна девушка и не нравилась мне до той самой, на которой предназначено мне жениться, чтоб и не сближался я до того времени ни с одной и не думал ни об одной; об этом думаю постоянно. Надежда на Нестора, т.-е. словарь к нему — следовало бы, чтоб его напечатала Академия. О саратовских думаю несколько более прежнего, но все не столько, сколько заслуживает их любовь ко мне, решительно не столько; я много виноват перед ними и мне их тоже совестно.

Итак, надежды или желания: а) сейчас — пусть поправится Вас. Петр., он выйдет из своего затруднительного положения, образует Надежду Егоровну; я также выйду, поеду на следующий год в Саратов; б) через несколько лет я журналист и предводитель или одно из главных лиц крайней левой стороны, нечто вроде Луи Блана, и женат, и люблю жену, как душу свою; в) надежды вообще: уничтожение пролетариата и вообще всякой материальной нужды, — все будут жить по крайней мере как теперь живут люди, получающие в год 15—20 000 р. дохода, и это будет осуществлено через мои машины.

Аминь, аминь.

Эта тетрадь кончена в 5 м. 12-го часа веч., 11 числа июля.

18^{VII}_{II} 49

Николай Чернышевский

Итак, здесь 44 страницы и в первое полугодие 100 стр., следовательно, всего 144.

ДНЕВНИК 22-го ГОДА МОЕЙ ЖИЗНИ

(1849—1850)

Июль месяц

12-го [июля], вторник. — Вчера (начал писать это в 9 м. 12-го веч.) стал ложиться спать, как вдруг почувствовал ужасное стеснение в груди, как будто б на ней лежало пудов 20 или 30 тяжести, но слабости никакой, так что от давления этого было весьма больно и срывался голос, так что я мог говорить только отрывочно вскрикивая, да и то было едва слышно, так слабы и глухи были звуки; время от времени вдруг сердце начинало биться как живчик, — боль та же самая, которая была, когда бывал у Чистякова, но несравненно сильнее, так что едва ли бы скоро прошла сама, и трудно было переносить ее. Я побежал пить воды, при-